

1.2. Психологическая культура – условие и цель деятельности педагога-психолога

Интенсивное развитие практической психологии в нашей стране – вещь очень хорошая, но в то же время довольно опасная. И нам, иногда чувствуя себя людьми, выпустившими джинна из бутылки, всегда тревожно за судьбу того, что мы сейчас делаем. Развитие практической психологии в нашей республике впечатляет, и, надо сказать, мы находимся сейчас на очень хорошем месте даже, может быть, в мировом сообществе, особенно в части использования психологических технологий и введения психологии в образование.

Мне довелось принимать участие в Международном конгрессе по прикладной психологии в Сан-Франциско, где собрались психологи всего мира. Там была одна интересная секция, которая должна была ответить на вопрос, как ООН способствует развитию психологии. Выступили представители различных стран. Все они говорили о том, что психология развивается слабо, что нет того, нет другого, что никто не помогает и т. д.

Когда мне было предоставлено слово, я сказал, что в нашей республике, находящейся в центре Европы (о которой можно сказать по-разному; например, что она находится между Польшей и Россией, а можно – что Россия находится между Беларусью и Китаем), в настоящее время законодательно есть возможность иметь практического психолога на всех этапах образования, включая детский сад, среднюю школу, профессиональную школу и вуз. Это первое. Потом я сказал, что у нас готовят большой отряд практических психологов на базе вузовского образования и что у нас систематически выпускается журнал «Психология». И в зале раздались по этому поводу бурные аплодисменты.

Это были единственные аплодисменты, которые, кроме процедуры открытия и закрытия, звучали на этой конференции. То есть я хочу, чтобы мы с вами, как говорят мои очень образованные аспиранты, отрефлексировали, извините за выражение, а попросту говоря, обдумали, осмыслили тот уровень, ту ступеньку, на которой мы теперь находимся. Это очень важно, потому что нам надо сверить часы и осмыслить, каким образом дальше нужно развивать практическую психологию образования, какими должны быть методологические, теоретические основы нашей практической деятельности. Это нужно, чтобы понять, как следует

готовить практического педагога-психолога и в какой ситуации он находится и должен пребывать в структуре педагогических коллективов тех учебных заведений и учреждений, где работает.

Мне показалось полезным обсудить вопрос, стоящий сейчас в повестке дня развития психологии. Это вопрос о психологической культуре личности. При этом психологическая культура, с нашей точки зрения, во-первых, является условием деятельности практического психолога, той основой, на которой он строит свою деятельность, и во-вторых, служит целью деятельности практического психолога. Вокруг этих вопросов я и попробую построить нашу беседу.

Прежде всего, я думаю, есть смысл обсудить само понятие «психологическая культура личности». Что это такое? Дело в том, что очень часто те или иные слова и словосочетания от повседневного использования как бы утрачивают свой концептуальный, теоретический смысл. У нас на слуху большое количество сочетаний со словом «культура». Мы говорим: «экологическая культура», «эстетическая культура», «этическая культура», даже, если хотите, «гастрономическая культура» и т. д.

Словосочетание «психологическая культура» используется значительно реже. И ни в одном сегодняшнем психологическом словаре, да и во всяком другом, нет этого понятия. Даже в очень интересной книге нашего московского коллеги В. М. Розина, которая, казалось бы, посвящена культуре, нет понятия «психологическая культура»³⁵. В то же время это та реальность, в которой мы существуем. Некоторые намеки на психологическую культуру мы можем найти в различного рода общих определениях культуры. Например, в определении культуры, приведенном в Советском энциклопедическом словаре, сказано следующее: «культура» – от лат. «cultura», что означает «возделывание», «воспитание», «образование», «развитие», «почитание». «Это специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм, учреждений, духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой, к самим себе»³⁶. Таким образом, мы видим, что в состав этого определения уже входят некоторые культурно-психологические элементы, очень важные для нас.

Может быть, дать содержательное, краткое определение психологической культуры пока не представляется возможным. Конечно можно

³⁵ Розин В. М. Психология и культурное развитие человека. М., 1994.

³⁶ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1989. С. 677.

сказать, что психологическая культура – это уровень самопознания человека и своеобразная мера, определяющая отношение человека к окружающим людям, к самому себе, к природе и т. д. Но мы поступим иначе. Лучше сделаем анализ структуры психологической культуры, и это будет полезнее, чем давать короткое определение. Прежде всего отмечу, что психологическая культура включает в себя два основных компонента, два основных блока. Один блок – теоретический, или теоретико-концептуальный, второй – это блок, который я называю практическим, или собственно психологической деятельностью. Первый блок психологической культуры «аккумулирует» результаты теоретической деятельности психологов. Это классические труды в области психологии, представляющие собой корпус психологического самопознания, то, что мы до сих пор, до начала нового столетия, узнали о себе. Кстати, очень интересное определение культуры содержится в учебнике, составленном сотрудниками Санкт-Петербургского университета³⁷. Оно гласит, что «культура – это то, что люди делают с природой, делают с собой и делают с другими людьми и что они при этом думают и говорят».

Интересные соображения о культуре вообще и о культуре психологической находим мы в книге американского психолога Дэвида Мацумото «Психология и культура» (СПб., 2002). «Воздух не становится менее тяжелым из-за того, что мы не ощущаем его вес» (Дюркгейм). Культура – это для нас тот же воздух, что и вода для рыб.

В этой же книге содержатся еще некоторые важные для нас положения. С удовольствием приведу их для наших читателей.

Очень часто на этом останавливаются. Считается, что психологическая культура – это теория познания человеком самого себя. Но это далеко не все.

Составной частью психологической культуры является и то, что называется психологической деятельностью. Что это такое? Психологическая деятельность – это деятельность по психологическому личностному самообслуживанию. Это та деятельность человека, которую он обращает внутрь самого себя, деятельность, обслуживающая его собственный внутренний мир. Это работа самопознания, связанная с формированием собственных внутренних инстанций. Это труд, сопряженный со способностью преодолеть те или иные внутренние сложности, существующие у человека, и это деятельность, вынесенная за пределы

³⁷ Психология: учебник / под ред. А. А. Крылова. М., 1998. С. 25.

личности, то есть межличностная, которая тоже, как мы дальше увидим, опосредуется психологической культурой.

Рассмотрение именно психологической работы человека над собой как деятельности в частном случае очень выразительно, на мой взгляд, определил Федор Василюк в своей книге о психологии переживания. Он прямо говорит, что «переживание понимается нами как особая деятельность, особая работа по перестройке психологического мира, направленная на становление смыслового соответствия между сознанием и бытием»³⁸ и т. д. Как видите, это, фактически, та внутренняя работа, которой занимается человек в своем внутреннем мире.

В моей книге «Основы психологии» – учебник для учащихся старших классов и студентов первых курсов высших заведений (М.: АСТ, 2009) – есть специальная глава «Психологическая культура человека». Кстати, понятие «культура психологическая» появилось в энциклопедическом словаре «Психология общения» под общей редакцией А. А. Бодалева (М.: Когито-центр, 2011).

В «Основах психологии» психологической деятельности, деятельности по психологическому самообслуживанию я уделяю особое внимание. Не об этой ли стороне психологической культуры писал замечательный поэт Николай Заболоцкий:

Не позволяй душе лениться,
Чтоб воду в ступе не толочь –
Душа обязана трудиться –
И день и ночь, и день и ночь.

Психологическая деятельность осуществляется в двух мирах нашего существования – во внутреннем мире собственной личности и внешнем межличностном пространстве – среди других людей. Надо сказать, что рассмотрение именно психологической работы человека над собой как деятельности очень выразительно определил Ф. Е. Василюк в книге «Психология переживания»: «Переживание понимается нами как особая работа по перестройке психологического мира, направленная на становление смыслового соответствия между сознанием и бытием». Следовательно, чтобы овладеть психологической культурой, чтобы стать психологически компетентным человеком, надо не только **знать** самого себя, но и **уметь** действовать и во внутреннем мире своей личности и в межличностном пространстве. Есть еще один важный глагол –

³⁸ Василюк Ф. Е. Психология переживания. М., 1984. С. 18.

уметь. Без желания, стремления, решимости невозможно узнать о себе как можно больше и овладеть психологической культурой. Л. Н. Толстой писал в дневнике: «Нам кажется, что настоящая работа – это работа над чем-нибудь внешним – производить. Собирать что-нибудь: имущество, дом, скот, плоды, а работать над своей душой это так, фантазия, а между тем всякая другая, кроме как **работы над своей душой** (подчеркнуто мною. – Я. К.), усвоение привычек добра, всякая другая работа – пустяки». Важно обсудить и то, как осуществляется эта работа во внутреннем мире личности. Может быть, всякий раз, когда надо «запустить» механизмы психологической деятельности, необходимо вспомнить теоретические психологические положения, культурно-психологические правила и предписания? Случается и такое. Но в большинстве случаев психологические знания и умения «срабатывают», так сказать, в автоматическом режиме. Примерно то же происходит и с использованием на практике других элементов культуры. Сначала, к примеру, надо выучить правила орфографии и пунктуации, а затем у грамотного человека они срабатывают автоматически: не надо заново вспоминать правила о безударных гласных или о непроизносимых согласных – рука «сама» напишет правильно. Примерно так же срабатывают и элементы психологической культуры, психологической грамотности.

В житейской психологии есть огромное количество слов и выражений, касающихся именно психологической деятельности. Мы говорим себе и другим: «сдерживайся», советуем: «не волнуйся», желаем: «радуйся». Обратим внимание на частицу «ся» – «сдерживайся», «не волнуйся», «радуйся».

Для обозначения работы человека в собственном внутреннем мире есть прекрасная часть слова – «само», которая обозначает направленность нашей психологической деятельности на самого себя, действие с самим собой. Я иногда предлагаю своим студентам принять участие в небольшом соревновании: кто за три-четыре минуты назовет больше слов, которые начинаются на «само». В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова приводятся также примеры: «самовосхваление», «самозащита», «самообожание», «самонаблюдение» и даже «самоснабжение». Наш клуб, «ЗС», в который я приглашаю читателей, предполагает три действия во внутреннем мире: «самопроверка, самопознание, самовоспитание».

Есть в языке, а это значит в народной, житейской психической культуре, и специальная приставка для обозначения межличностной деятельности, деятельности общения. Это приставка «со». Еще одно сорев-

нование я провожу со своими студентами: как можно больше назвать слов с этой приставкой. Здесь и сотворчество, и соратник, и сослуживец. Кто-то даже написал: «собутыльник». Л. С. Выготский иногда писал: «Со-знание»... Итак, психологическая деятельность направлена на самопознание, самовоспитание, самоусовершенствование своей личности, на саморегуляцию своей эмоциональной жизни, преодоление внутриличностных и межличностных конфликтов. Цель психологической деятельности – достижение, развитие и сохранение психологического здоровья личности, к анализу которых мы переходим.

Таким образом, в состав психологической культуры входят: блок теоретико-концептуальный и блок, связанный с психологической деятельностью.

Психологическая культура имеет два основных уровня. Это, во-первых, уровень теоретический – та психология, психотерапия, теория воздействия людей друг на друга, разработанная специалистами и ставшая достоянием науки. Во-вторых – доконцептуальная психологическая культура, можно сказать, житейская психологическая культура. Это психологическая культура, которую народ создает до психологов, без психологов и помимо психологов. Нам надо хорошо понять, что в этом смысле каждый человек – психолог, каждый сам себе – психологическая лаборатория.

Чуть-чуть забегаю вперед, отмечу, что формирование психологической культуры – это выстраивание методологических мостиков между тем опытом человека, в котором он выработал свою психологическую культуру, и научным уровнем психологической культуры.

Чтобы яснее представить, что имеется в виду под спонтанной психологической культурой и культурой как бы книжной, теоретической, проведу маленькую аналогию. Есть мировая музыкальная культура. Это произведения великих композиторов, музыковедов, историков музыки и т. д. Это то, чему учат в консерваториях. А есть огромный пласт музыкальной культуры народа, проявляющийся в его песнях, частушках, во всем том, что составляет музыкальную стихию народа.

И эти два пласта, конечно же, очень интенсивно взаимодействуют. Здесь весьма уместно вспомнить слова Евгения Баратынского:

Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И чудеса постигнуть уповаем:
Какой же плод науки долгих лет?

Что, наконец, подсмотрят очи зорки?

Что, наконец, поймет надменный ум

На высоте всех опытов и дум,

Что? Точный смысл народной поговорки.

М. И. Глинка говорил, что музыку создает народ, а мы, композиторы ее только преобразуем, аранжируем.

И психологию создает народ. А психологи по мере своих сил и возможностей фиксируют, осмысливают, обобщают его психологический опыт и т. д. Думаю, мы вправе заявить: если какой-то психологический феномен не представлен ни в народном творчестве, ни в произведениях великих поэтов и писателей, значит, этого нет вообще. Это выдумка. Или то, что психолог формулирует в своих теориях, никак не представлено в реальной человеческой жизни, тем хуже для психолога. Поэтому между житейской культурой, доконцептуальной психологической культурой и культурой психологической книжной, теоретической существует очень сложное и интересное взаимодействие.

Мы эти взаимодействия видим на каждом шагу, наблюдая, как из уровня концептуального некоторые понятия переходят на уровень повседневности. Происходит, как красиво и сложно сказал Б. Вальденфельс, «оповседневнивание»³⁹. То есть книжные термины входят в жизнь, в повседневность. Приведу пример такого движения из концептуального в доконцептуальный слой. Возьмем различного рода понятия из психоанализа. Если вы смотрите американские фильмы по телевидению (а вы их, конечно, смотрите, потому что порой просто больше нечего смотреть), то слышите там огромное количество различных реминисценций, высказываний, связанных, допустим, с психоанализом. Говорят, что этот преступник потому совершил преступление, что у него была жестокая мама или трудное детство. Все время демонстрируется взгляд назад, идет движение в детство. Или беспрерывно муссируются, предположим, различного рода комплексы. Кто-то констатирует: «У меня нет комплекса неполноценности». Другой вторит: «А у меня нет комплекса вины». Третий еще что-нибудь интересное скажет. Была даже телевизионная передача «Лолита. Без комплексов». Я наблюдал и у нас, причем со всем не в кино, такие «прогрессивные» тенденции. Я слышал умопомрачительные неологизмы, когда один человек о другом говорит: «Он вообще комплексун, а она комплексунья (или комплексуха)».

³⁹ Вальденфельс Б. Повседневность как правильный тигль рациональности // Социо-логос: Социология, антропология, метафизика. Вып. 1. М., 1991. С. 47.

В Минске одно время был мебельный магазин под названием «Зигмунд Фрейд». Может быть, там торговали кушетками?

Интересные соображения на этот счет высказывает В. Н. Дружинин в статье «Феномен психологической культуры личности» в образовательном контексте. Он рассматривает психологическую культуру как составную часть системной культуры общества и отмечает ее многослойность. В нее входит: 1) обыденное психологическое знание и психологические практики, присутствующие в рамках религиозной жизни, общественно-политической, экономической, образовательной деятельности; 2) психологическая профессиональная деятельность и практическое знание, имеющее научное обоснование и вместе с тем долю искусства (мы в дальнейшем покажем, как литературно-художественное моделирование входит в формирование психологической культуры. -- Я. К.). Далее он отмечает, как научные психологические формы вошли в повседневную речь и стали если не общеупотребляемыми, то, по крайней мере, общепонятными. «Экстраверт», «аутист», «тревожность», «интеллект», «комплекс неполноценности», «сублимация», «инсайд» -- эти перемены входят в словарь естественного языка.

Обратим внимание на одно интересное место в высказывании В. Н. Дружинина. Говоря о многослойности психологической культуры, он упоминает «психологические практики, присутствующие в рамках религиозной жизни». Мы полагаем, что религия -- это особый вид психологической культуры общества и отдельной личности, одна из тех призм, сквозь которые воспринимается окружающий мир. Наверное известные 10 заповедей, содержащиеся в Библии («не убий, не укради и т. д.»), это обобщения психологической культуры того времени. То есть из научных теорий некоторые понятия «идут вниз», где активно используются. И это очень важно.

Этого, конечно, очень мало, потому что наша наука несет на себе печать прежней, доперестроечной психологии. Тогда мы говорили, что у нас психология «уха-горла-носа», а психология личности и социальная психология -- это нам не очень-то интересно, потому что каждый человек «винтик», а какая там душа и все прочее у «винтика»? Недавно прочитал интересную вещь -- отрывок из сочинений Т. Д. Лысенко. Он высказывался очень четко и прямо: «В Советском Союзе люди не рождаются, у нас рождаются организмы, а потом мы уже из них делаем академиком и т. д.». Естественно, здесь же автор одновременно разоблачал классическую генетику.

В каких продуктах существует житейская психология? Она существует в виде двух основных пластов: житейских понятий и реальных житейских способов личной саморегуляции и других форм психологической деятельности. Причем как раз житейские понятия -- это те самые понятия, о которых говорил Л. С. Выготский. Они обладают определенными свойствами, и в связи с тем, что их никто специально не вырабатывает, их усваивают стихийно в процессе непосредственного общения.

Изучение житейского, психологического тезауруса, житейской, психологической мудрости или житейской психологической нравственности -- это очень важная, интересная задача, которую необходимо решать. Почему? Потому что специалисты-практики работают не с учеными-психологами, а с детьми, с родителями, с такими «потребителями» психологии, которые никогда специально психологию не изучали. И практики должны знать, какая же у их контингента *психологическая предобразованность*, что люди знают, в какую «почву» специалисты сеют. Как говорят по-белорусски: «Зерне падае не на каменне». Иными словами, зерна книжной мудрости падают на уже засеянную почву, и профессионалы должны понять, как эти две стихии -- книжная, теоретическая и внутренняя, спонтанно-психологическая -- сосуществуют.

Здесь можно опереться на очень интересную концепцию замечательного французского психолога Сержа Московичи -- концепцию социальных представлений. Что такое социальные представления? Это те представления, которые народ имеет относительно тех или иных социальных объектов. Автором этой концепции было проведено блестящее исследование того, как, например, воспринимается трактуется, концептуализируется психоанализ во Франции⁴⁰. Переход представлений из теоретического статуса в обыденный С. Московичи описывает как четырехтактовое движение.

Первый такт и, как полагает Московичи, наиболее «броский» из них -- **персонификация научных знаний и феноменов**: «каждая теория или наука ассоциируется с поименно названными людьми, становящимися их символом: психоанализ с Фрейдом, относительность с Эйнштейном, обусловливание с Павловым и т. д.»⁴¹. Персонификация пре-

⁴⁰ Moscovici S. La psychanalyse, son image et son public, 2e éd., Paris, puf, 1976.

⁴¹ Moscovici S., Hewstone M. De la science au sens commun // Moscovici S. (ed.) Psychologie sociale. P., 1984. P. 553.

придает чужеродные ситуации в ситуации знакомые (лицом к лицу), придает теориям статус непосредственности. Перекодирование письменных текстов в устные сообщения радикально изменяет дистанцию между воспринимающим индивидом и предметом восприятия. Московичи предполагает существование тенденции к «переворачиванию» собственного научному познанию стремления к обезличиванию в присущую здравому смыслу личностную окраску всякого знания.

Второй такт – **отбор** и **деконтекстуализация** элементов научной теории (явления). Научная теория препарируется. Отдельные содержания лишаются присущего им профессионального или концептуального контекста и помещаются в структуру имеющихся у индивида типологий. Так, психоаналитические утверждения могут восприниматься как экстравагантные и помещаться в разряд необычных явлений. В некоторых случаях им может быть уготована, например, судьба интерпретативных схем повседневного гендерного поведения.

Первоначально представление научной теории формируется как контуры явления, ментальное изображение его наиболее значимых черт. Постепенно первоначальный эскиз превращается в то, что Московичи назвал «фигуративной схемой» представления, его образную форму. **Фигуративная схема** – опора восприятия, общая перцептивная форма упаковки материала. Формирование такой «фигуративной схемы», «образного ядра» представления составляет третий такт в движении научного знания, итогом которого является **схематичная визуализация** научных идей и понятий.

В следующем, четвертом такте происходит «**натурализация**» (оптизация) фигуративной схемы. «Фигуративная схема, совершенно отделенная от объекта, перестает быть абстрактной конструкцией, а становится его непосредственным выражением»⁴². «Непосредственность» понимается как отрыв представления от реального явления и приобретение этим феноменом свойств объективности. «В данном случае, – уточняет Московичи, – речь идет о придании образу материальной плотности, о нахождении его места в онтологии здравого смысла, ни о чем более»⁴³.

Для нас данные исследований С. Московичи были очень поучительны и интересны.

⁴² Moscovici S. (ed.) Introduction à la psychologie sociale. Paris, 1972. P. 316.

⁴³ Moscovici S., Hewstone M. De la science au sens commun // Moscovici S. (ed.) Psychologie sociale. P., 1984. – P. 555

Теперь, на основе только что изложенной концепции психологической культуры, предлагаю сделать два дальнейших шага. Первый шаг – это реализация идеи о культурно-психологическом опосредовании межличностных взаимодействий во всех социальных системах. Вы чувствуете конечно же, в самом понятии «культурно-психологическое» влияние П. С. Выготского: его культурно-исторической концепция развития человеческой психики. Но культурно-исторический путь проходит не только сама психика, но и ее отражение в психологических теориях и концепциях.

Что же это значит? Это еще один аспект преодоления «постулата непосредственности». Человеку на его эмпирическом уровне представляется, что он общается с другим человеком без, так сказать, посредников «фейс ту фейс», лицом к лицу. Но на самом деле это глубокая иллюзия: непосредственных межличностных контактов не существует. *Все социальные контакты, все акты коммуникации, кроме, может быть, случаев примитивных, витально обусловленных, опосредованы тем слоем психологических знаний, психологических представлений, которые есть у личности.* Значит, между мной и другим человеком «стоят» мои и его свои представления о том, что такое человек: добр он или зол от природы, что можно себе позволить по отношению к этому человеку и т. д. И у меня, и у него есть эти опосредования. Два этих слоя, две эти «примитивы», сквозь которые преломляются наши представления о себе и других, определяют наши отношения друг с другом и наши воздействия друг на друга. Эти влияния – не только житейские, но и профессиональные влияния психологов и педагогов.

Психологическая культура существует в нескольких аспектах, Это **общая психологическая культура** с фоновыми знаниями в области психологии, имеющимися у любого человека, и **профессионально-психологическая культура**, то есть профессионально-психологическая культура педагога, врача, юриста, инженера. Все профессии имеют этот профессионально-психологический слой. Легче всего показать это на педагогической модели. Какие у человека взгляды на ребенка, каков образ ребенка в его сознании, каково содержание его отношения к ребенку, так он с ним и поступает.

В истории зафиксированы несколько типов детско-родительских отношений, Когда-то в древности был стиль отношения к ребенку, позволявший его убивать или бросать. Или стиль, исходящий из «норм» христианско-кальвинистской морали, учившей, что ребенок –

продукт греха, несущий в себе греховное начало, поэтому воспитание должно выбить из него этот грех. Отсюда и жестокий подход к воспитанию. Или, например, стиль воспитания, основанный на джон-локковской «табула раса», исходящий из принципа, что душа ребенка – «чистая доска», поэтому воспитатель может все. Это уже совершенно иная стратегия педагогического воздействия. Если рассмотреть взгляды, связанные со «свободным воспитанием» Руссо, получается, что все выходит совершенным из рук Творца и все портится в руках человека. Это тоже совсем другое воспитание. Есть и современный подход, когда мы исповедуем гуманистическо-психологические взгляды, диктующие помогающий стиль.

Понимаете, воспитатель может абсолютно не знать ничего про все это, теоретически он не «подкован», но он это впитал с молоком матери. При всем уважении к моему доброму товарищу Игорю Семеновичу Кону хочу ему очень серьезно возразить вот в каком отношении: он рисует, ссылаясь на Л. Демоза, эти разные подходы к воспитанию как некие стили, исторически сменяющие друг друга. Ничего подобного, они сосуществуют у нас все вместе. Уголовная хроника сегодня фиксирует и убивающий стиль по отношению к ребенку, и бросающий, и жестокость и т. д. Дело в том, что все эти устаревшие и зачастую негуманные подходы к ребенку до сих пор живут. Надо это понимать и на их место ставить другие, прогрессивные, гуманистические подходы в воспитании.

Новые стили и подходы реализуются благодаря языку, на котором люди общаются. Здесь имеет значение и родной язык, первое слово которого мы слышим при рождении, и научный язык, способный донести, предложить новые, более выверенные, соответствующие новому времени и новым взглядам научные истины.

В. Гумбольдт верно подметил: «Так как восприятие и деятельность человека зависят от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено языком. Тем же самым актом, посредством которого он создает язык, человек отдает себя в его власть: каждый язык описывает вокруг народа, к которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступишь в другой круг»⁴⁴.

Э. Сепир дополняет этот тезис: «Язык служит руководством к восприятию социальной действительности... Мир, в котором живут об-

⁴⁴ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С 112–113.

щественные обетования, говорящие на разных языках, представляет собой различные миры, а не один и тот же мир с различными этикетками»⁴⁵.

Как различаются в историческом контексте стили воспитания и даже восприятия ребенка, так неодинаковы и образы детей в разные эпохи. Обратимся в этой связи к исследованиям И. С. Кона.

Образы ребенка в истории: чем он является от природы; чем он должен стать в результате обучения и воспитания? *Традиционный христианский взгляд (кальвинизм):* новорожденный несет на себе печать первородного греха, и спасти его можно только беспощадным подавлением воли, подчинением родителям и духовным пастырям. Репрессивная педагогика – подавление природного начала.

1. *Точка зрения социально-педагогического детерминизма:* ребенок по природе не склонен ни к добру, ни к злу, а представляет собой *Tabula rasa*. А на «чистой доске» общество или воспитатель могут написать что угодно. Формирование личности путем направленного обучения.

2. *Точка зрения природного детерминизма:* характер и возможности ребенка predeterminedены до его рождения – вульгарная генетика, средневековая астрология. Принцип развития природных задатков и ограничения отрицательных проявлений.

3. *Утопически-гуманистический взгляд:* ребенок рождается хорошим и добрым и портится только под влиянием общества. Педагогика саморазвития и невмешательства⁴⁶.

В исторической хронологии можно проследить следующие, целиком и полностью зависящие от взглядов общества того или иного времени стили воспитания:

1. *Инфанцицидный стиль* (до IV в. н. э.) – детоубийство. Стиль Медеи.

2. *Бросающий стиль* (IV–XIII вв.). Младенца сбывали кормилице, в монастырь, в чужую семью.

3. *Амбивалентный стиль* (XIV–XVII вв.). Ребенку уже дозволено войти в эмоциональную жизнь родителей. Ему еще отказывают в самостоятельном духовном существовании. Если ребенок сопротивляется, его беспощадно бьют, «выколачивая» своеволие как злое начало.

⁴⁵ Звегинцев В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира–Ворфа // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 117.

⁴⁶ Кон И. С. Ребенок и общество. М., 1988. С. 137.

4. *Навязчивый стиль* (XVIII в.). Ребенка уже не считают опасным существом, родители к нему значительно ближе. Навязчивое стремление полностью контролировать не только поведение, но и внутренний мир, мысли и волю ребенка. Это усиливает конфликты отцов и детей.

5. *Социализирующий стиль* (XIX – середина XX в.). Цель воспитания – не столько завоевание и подчинение ребенка, сколько тренировка его воли, подготовка к будущей самостоятельной жизни. Ребенок – объект социализации.

6. *Помогающий стиль* (с середины XX в.). Ребенок лучше родителей знает, что ему нужно на каждой стадии жизни. Не столько дисциплинировать или формировать его личность, сколько помогать индивидуальному развитию. Отсюда – стремление к эмоциональной близости, пониманию, эмпатии.

«Каждому времени свойственны свои представления относительно того, обладает ли человек свободой выбора, или же его поступки детерминированы извне, рационален он или иррационален, способен открыть истину, или ему суждено жить в мире иллюзий. В конечном счете психологии приходится заниматься этими вопросами, чтобы не утратить своего авторитета. Плодотворная психологическая теория способна трансформировать представления общества в целом – как было, например, в случае психоанализа. Однако это может произойти только в том случае, если теории есть что сказать о том, что люди делают в реальных культурно значимых ситуациях»⁴⁷.

Вот что собой представляет психологическая культура как условие деятельности практического психолога. Это значит, что практический психолог – тоже, как говорится, человек своего времени. И то, как он воздействует на людей, какие он применяет психотерапевтические техники, зависит опять-таки от его теоретических убеждений, от образа человека, сложившегося у него. И конечно, по-разному будут относиться к человеку психологи разных взглядов, приверженцы разных теоретических систем. Отношение исповедующего психоанализ, где образ человека – «человек желающий», отличается от позиции сторонника бихевиористической модели, где образ человека – «человек механический, реагирующий», подходы психолога, применяющего когнитивную модель, где образ человека – «человек познающий», не совпадут со стилем последователя гуманистической модели, где образ человека – «человек сочувствующий» и т. д.

⁴⁷ Найссер У. Познание и реальность. М., 1981. С. 24.

Психолог и педагог имеют перед собой живого человека, но между ними стоит его культурно-психологическая концепция, которую он, может быть, даже не осознает. Ведь, фактически, что такое психотерапия? Психотерапия – это формирование у человека, обратившегося за помощью, определенной психологической культуры. У клиента тоже есть стихийные психологические взгляды, психотерапевтические ожидания. Есть образ психолога, который опосредует его поведение. Психотерапевт навязывает клиенту свою концепцию, свой психотерапевтический, так сказать, взгляд. Возьмем, например, психоанализ. Верен он или нет, но он помогает некоторым людям. Почему? Потому что психоаналитик перевоспитывает клиента. Он ему навязывает психоаналитический взгляд на самого себя и на окружающих. Точно так же перевоспитывают клиента и бихевиористы, и гештальтисты, и все остальные психотерапевты. Они создают из клиента своего союзника. Если этого нет, если у клиента и у психотерапевта разные культурно-психологические представления (как говорил Юнг, разное психологическое мировоззрение), они не могут столкнуться.

Раз уж я произнес это слово – «столкнуться», пора сделать следующий шаг. В теории культурно-психологического опосредования это шаг, связанный с освоением в психологическом плане теории лингвистической относительности. Есть замечательная теория Сепира–Уорфа, идущая еще от Гумбольдта. В ней речь идет о том, что человек, говорящий на определенном языке, мир воспринимает так, как это задано в категориях данного языка. Родной язык – это не просто техническое средство. Это то, что определяет наше отношение к миру. Очень важно понять (сегодня я впервые об этом говорю), что существует, **культурно-психологическая относительность. Это тот корпус культурно-психологических понятий и представлений, посредством которого личность общается и взаимодействует с другой личностью.**

А теперь – еще о цели деятельности практического психолога в образовании. Эта цель заключается в формировании психологической культуры учеников, родителей и через них всего населения. Подобно римскому сенатору, заканчивавшему любое свое выступление в сенате словами «Карфаген должен быть разрушен!», я опять скажу то, что я всегда говорю и буду повторять: нужна серьезная психологическая культура во всех учреждениях образования. Нужна психология как учебный предмет, нужно воспитание психологической культуры личности. Думаю, все вместе мы сможем ликвидировать мешающую жить и развиваться унизительную и всеобщую психологическую безграмотность.